

Г. Меттан¹

НОВЫЙ ЗАПАДНЫЙ ЯЗЫК ПРЕВРАЩАЕТ ЛЮБОЙ ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РАЗГОВОР ГЛУХИХ

Мы часто говорим о силе слов, но гораздо меньше — о словах силы. Слова силы стремятся использовать силу слов. Это вполне невинные либо выглядящие невинными слова, поэтому важно идентифицировать их и признать их суть: это средства завоевания и господства, инструменты сдерживания людей и их мыслей, формирования согласия граждан с нежелательной для них моралью и политикой. Так что вести любой диалог культур становится практически невозможно.

Известные авторы расшифровали язык тирании и открыли его источники.

Во время Второй мировой войны Виктор Клемперер, профессор-филолог еврейской национальности, который женился на «арийке» и чудом пережил нацизм, собрал основные слова и фразы нацистского

языка, используемые в повседневной жизни. Он отлично продемонстрировал, как переосмысление слов немецкого языка партией Гитлера и Геббельса значительно облегчило захват власти и поддержание нацистской диктатуры. В замечательной работе «Язык Третьего рейха» (*Lingua Tertii Imperii*) Клемперер рассказывает, как это умышленное извращение языка привело немцев к почти абсолютному подчинению нацистской партии. Неслучайно Геббельс писал в своем дневнике: «Мы не хотим убеждать людей в наших идеях. Мы хотим сократить словарный запас таким образом, чтобы он мог выражать только наши идеи».

Джордж Оруэлл осудил язык сталинской диктатуры. В своем романе «1984», опубликованном в 1949 году, он описал установление тоталитарного режима, который навязывает новую идеологию, Ангсоц, или английский социализм, и новый язык, новояз, в котором создаются и исчезают слова в соответствии с потребностями Большого брата. Полиция мысли, вдохновленная практиками гестапо и НКВД, которая сегодня была бы похожа на религиозную полицию ис-

¹ Президент Объединенной торгово-промышленной палаты «Швейцария — Россия и страны СНГ», исполнительный директор Швейцарского клуба прессы (Женева). Депутат Большого Совета (парламента) кантона Женева. Автор ряда книг по общественно-политической тематике и международным отношениям, в т. ч.: «Запад—Россия: тысячелетняя война», «Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио» и др.

ламских режимов, цензура, использующая алгоритмы GAFAM, и массовая слежка АНБ обеспечивают распространение идеологии и языковой контроль, отслеживая самые мелкие поступки, каждый жест и подозрительное слово, с дьявольской точностью предугадывая намерения граждан.

Обладавший прекрасной интуицией, Оруэлл описывал события так, как будто они происходят в 1984 году. Это было очевидно, потому что начало 1980-х годов совпадает с захватом экономики акционерами компаний и представителями влиятельных финансовых кругов, а также с распространением идеологии неолитерализма, которая сегодня стала «глобалитарной» (глобальной и тоталитарной одновременно) благодаря обобщению фразеологии, навязанной во всех сферах социальной и экономической жизни. Именно тогда начался еще один «бизнес» по разрушению слов и порабощению языка, который называется политкорректностью. Первые признаки этой всеобщей мистификации — изменение словарного запаса и значения слов, создание нового, экономически и политически корректного языка, который мы используем, в то же время являясь его жертвами.

Но Оруэлл ошибся в определении «виновника». Вопреки тому, что он думал, воля к господству над умами в конце XX века происходила не из английской социалистической диктатуры, а из рыночного тоталитаризма, ненасытного стремления к власти неолитерального капитализма и тирании расовых и сексуальных меньшинств, которые стремятся навязать свой способ мышления всему обществу.

Двойная матрица: технократическая и эмоциональная

Новый доминирующий язык является результатом влияния этих двух составляющих. Поэтому у него двойная матрица. Со стороны отца (читайте «родитель 1») она демонстрирует всемогущество технократии, менеджмента и рыночной экономики. Со стороны матери («родитель 2») это реакция на эмоциональное и социальное упрощение иерархической структуры, из-за которого меньшинства — феминистские, ЛГБТ- и антирасистские движения и все организации этого согласованного гражданского общества, гуманитарные и правозащитные НПО, активисты и межсекторальные исследователи — чувствуют, что они вынуждены занимать подчиненное положение в том же неолитеральном обществе. Новый язык на Западе — это «внебрачный ребенок» крайнего технократического ультралиберализма и resentment жертвы. Это двойное происхождение является первой характеристикой того, что, за неимением более подходящего термина, я называю «мягким языком» (Softongue). Мягкий язык — «демократический» продукт в том смысле, что это не результат творения одной партии, всемогущего диктатора или всемогущей полиции. Он просто создавался день за днем двумя внешне противоположными, но на самом деле соучаствующими силами, доминирующими в социальной сфере.

На языке вчерашнего дня мы бы говорили о правых и левых. Но теперь все не так просто: имеется как кон-

сервативное правое крыло, которое боится и борется с социальными инновациями и выражающим их языком, так и левое консервативное крыло, отстаивающее сохранение старых структур социальной защиты и государственной службы. Точно так же в обоих лагерях имеются свои сторонники прогресса. Неолитеральный капитализм в экономике поддерживается самыми консервативными, если не самыми реакционными, представителями политического спектра, от многотысячной армии сторонников Дональда Трампа до всех правых популистов в Европе и Латинской Америке. Более того, неолитеральные правые тоже не имеют ничего против притязаний гендерных и расовых меньшинств. Социальные инновации устраивают их до тех пор, пока они предлагают экономические возможности.

Что касается прогрессивных, феминистских, ЛГБТ и расистских «левых» движений, то они в своей социальной борьбе намного опередили борьбу против эксцессов капитализма. Идеи помощи обездоленным классам сейчас далеко не так популярны, как защита меньшинств, особенно когда эти классы критически относятся к социальным инновациям, как мы видели во время протестов «желтых жилетов» во Франции. По общему признанию, иногда между двумя фракциями случаются стычки на почве конкуренции, жестокие конфликты, борьба за территорию, как еще недавно между демократами и республиканцами в Соединенных Штатах. Но, придя к власти, обе группы проводят одну и ту же политику, благоприятную для сверхбогатых, и применяют одни и те же принципы «управления». По сути, между ними происходит скорее конвергенция, чем непримиримое противостояние, при этом язык доминирования остается прежним. Новый выхолощенный «деревянный» язык (мягкий язык) — продукт этого двойного «послушания», двухпартийной, а не однопартийной системы. Он может быть довольно прочным, так что кризисы, даже такие сенсационные, как захват Капитолия в январе 2021 года, не пошатнут его устойчивости.

Чтобы убедиться в этом, надо лишь более внимательно присмотреться. Имеется ли реальное расхождение между лозунгом Дональда Трампа «Сделать Америку снова великой» и лозунгом Джо Байдена «Восстановить американское лидерство»? Так ли сильно различаются побежденный миллиардер Трамп и победивший миллиардер Байден, привлечший 1,5 млрд долларов от крупного бизнеса на свою предвыборную кампанию? Разве оба они не пользуются кошельками самых богатых соотечественников? Разногласия становятся более острыми, когда они касаются не существенных вопросов, а второстепенных.

То же самое можно сказать и о европейских демократических странах. Во Франции, например, мы подчеркивали разницу между Николя Саркози и Франсуа Олландом. Но разве оба они не правили, заявляя об одном и том же неолитерализме, одном и том же атлантизме и одном и том же европеизме, пока третий шулер, Эммануэль Макрон, не отправил их доучиваться, разыграв те же карты в другом порядке? В зависимости от их интересов и силовых полей, которые их пересекают, одни будут сосредоточены на экономике, другие —

на социализме. Одни будут опираться на бережливого потребителя, другие — отстаивать право самых крикливых меньшинств на то, чтобы отличаться от других. Но два лагеря будут «пестовать» одних и тех же людей, спешащих заявить перед лицом всего мира о своей уникальности и исключительности, и бесстыдно делить бенефиты, предоставляемые властью.

Мягкий язык, царство замалчивания

Вторая характеристика мягкого языка — его «приятность». И его принципы, и практика основаны на замалчивании и перифразах. Он везде добавляет «сахар». В отличие от новояза и языка диктатур, мягкий язык стремится не столько усилить эффект слов, сколько смягчить впечатление. Нацистский язык наэлектризовывал слова, раскалял добела. Смыслы слов «Volk» (народ), немецкий народ, прилагательное «*völkisch*» (народный) были доведены до крайности. Или, наоборот, язык оскорблял людей. Слово «еврейский» считалось хуже слова «свинья». Язык заставлял слова взлетать до небесных вершин и опускаться в бездну. Язык сталинской пропаганды действовал так же: восхвалял рабочего, классовую борьбу, диктатуру пролетариата и клеймил кулаков и буржуазию. Мягкий язык действует противоположным образом: подслащивает, затушевывает до тех пор, пока не сотрется весь рельеф, материальность, чтобы увести носителей языка в нереальный мир, отрезанный от истории, эмоциональных и братских привязанностей.

В неолиберальном управленческом языке все больше употребляются эвфемизмы и всевозможный «позитив». Язык экономистов и менеджеров выхолащивается, чтобы сгладить восприятие пагубных последствий их теорий. Мы должны любой ценой избегать называть вещи своими именами и связывать следствия с причинами. Посмотрите на слово «потенциал», подаваемое под разными соусами. Прощание с надеждой, ожидание, способности, талант, смелость, пригодность, подарок, обещание, благоприятные обстоятельства — да здравствует потенциал! Аналогичным образом трансформировался смысл таких выражений, как, например, «взносы в социальные фонды» со стороны работодателей, в которых слово «социальные» ассоциируется с дополнительными расходами, в то время как это по сути часть законной зарплаты работников.

Такие слова, как, например, «гибкость», внушают мысль о том, что адаптация — это непреходящий императив. Или, наоборот, мы будем избегать таких выражений, как «повышение цен» (это всего лишь повторная корректировка) и «увольнение». Уволенные рабочие? Нет, это социальная программа, мера циклической корректировки, реструктуризация и повышение производительности. Поэтому наряду с кривыми спроса и предложения студентам, изучающим менеджмент и экономику, настоятельно рекомендуется изучать хитрый жаргон своей науки. Они быстро поймут, что невыгодно говорить о рецессии, а не об отрицательном росте, о снижении зарплат, а не о конкурентной девальвации, о сокращении рабочих мест, а не о программе стимулирования, о закрытии предприятий, а не о переезде в другой регион, о социальном свертывании, а не

о реформах, о рабочей силе, а не о человеческом капитале. Запретите слово «работа», которое напоминает, что капитал одних образуется за счет пота других. Моделирование языка, очевидно, идет гораздо дальше, чем эти небольшие семантические построения.

Цель? Придать субъектность трудящемуся человеку, сделав его одновременно боссом (самого себя) и наемным работником (своих владельцев-акционеров). На мягком языке это называется «ответственной» работой. Так, американская торговая сеть Walmart называет своих кассиров «менеджерами», а изготовители гамбургеров в MacDonald's становятся такими же «партнерами» (но не ради получения таких же дивидендов), как партнеры крупной юридической фирмы. Зачем повышать зарплату, когда хороший семантический бонус исполняет свой трюк... Вот как управленческому языку удалось успешно применить теории советского лингвиста Николая Марра, которые процветали в Советском Союзе в 1920-х годах. Марр утверждал, что все общества вскоре объединят свои самобытные языки в единый язык коммунистического общества. Таким образом, неокapитализм преуспевает там, где коммунизм потерпел крах.

Менеджеры, партнеры и акционеры из всех стран, соединяйтесь, объединяйте свой язык, и наступит ваше господство! Маркс просто выбрал не тех игроков. Он верил, что революцию совершат пролетарии, в то время как ее совершают боссы. От экономической корректности — к политкорректности, которая более заметна, потому что у нее меньше приверженцев и они мыслят более разнообразно. Тем не менее в обоих видах корректности применяется одна и та же стратегия эвфемизма, мягкого языка и замалчивания. Отличительной чертой политкорректности является стремление не оскорблять меньшинства лексикой, которая считается дискриминационной или унижительной. Благодаря ей мы получили слабослышащих вместо слепых, слабослышащих вместо глухих, людей с ограниченными возможностями вместо инвалидов, цветных людей вместо негров или чернокожих, гомосексуалистов вместо педерастов, мигрантов вместо беженцев и нелегальных иммигрантов. А новая педагогика научила нас тому, что слово «карандаш» (pencil) считается «предметом для письма» и что слово «классная доска» (blackboard) должно быть запрещено, потому что может «лежать в основе схем действий, способных помешать процессу обучения» учащихся. Со своей стороны после введения в язык ересе — общего рода (что позитивно) феминистские и ЛГБТ-движения окунулись в инклюзивную писанину и гендерную тарбарщину.

Сначала это желание действовать и говорить «по-доброму» казалось обоснованным: в конце концов, разве современный язык не обязан приспособливаться к чаяниям своих носителей? Но в последнее время «искореняющие» эвфемизмы «свирепствуют», подхваченные волнами движения MeToo, неофеминистскими и антирасистскими акциями. Волны превратились в цунами. Словесная гильотина работает в полную мощь. Инклюзивная писанина со своим синтаксическим уродством (Tou.te.X.s) распространяется, как про-

каза, в учебных заведениях и прозе сторонников прогресса, оскорбляя здравый смысл, слух и этимологию. «Нарушителей» выслеживают и осуждают в социальных сетях с невероятной жестокостью и насилием, заставляя учителей и журналистов увольняться, профессоров отменять свои лекции, а драматургов подвергать цензуре свои пьесы. Дух «чистки», похоже, овладевает кампусами, школами и редакциями газет при соучастии редакторов, преподавателей и директоров по культуре, напуганных перспективой стать мишенью.

Страсть к замалчиванию превратилась в безжалостную цензуру. Эвфемизм распространился на статуи, музеи и названия улиц, захватывая целые области истории и культуры. Чтобы стереть пятно рабства, предпринимаются усилия по искоренению библиотек и общественных мест как неотъемлемой части европейской и американской истории. «Чистка» вышла из сферы слов на улицы.

Мягкий язык — «френглиш» или «рунглиш»

Как следует из названия, мягкий язык — это «френглиш», «денглиш» или «спанглиш». Его носители — либеральные личности, технофилы, чувствительные к «страданиям» мира, которые не могут ограничиться национальным языком. Какой родной язык? Французский для франкоязычных? Это сильно пахнет этническими ограничениями. Таким образом, мягкий язык характеризуется проницаемостью, пористостью, капиллярностью, почти онтологическим попустительством языку доминирующей силы — англо-американской — в технической, экономической и идеологической областях. Мягкий язык — это новый гибридный язык глобализированных высших классов, который свидетельствует об их подчинении империи и гарантирует их членство в кругу избранных чиновников глобализации.

Французская версия мягкого языка, напротив, не испытывает угрызений совести по поводу того, что позволяет колонизировать себя английскому. Это добровольное подчинение стандартизированному англо-американскому языку стало для культуры тем же, чем доллар является для экономики и торговли — признанием всемогущества США. Использование английского необходимо из-за глобализации торговли. Простой язык, практичный как для деловых, так и для технических целей, английский обладает многими достоинствами. Но почему он должен непременно внедряться во французский там, где это по сути не требуется?

Франц Фанон показал, что перенимать язык колонизатора — значит ставить себя в положение добровольного рабства, перенимать кодексы и мышление доминирующего. Американизация языка способствует американизации нравов, экономики и политики. Мы далеко ушли от начала XX века, когда довольствовались импортом из Америки методов производства, музыкальных постановок и немых фильмов. Американизация была форсирована мерами политического принуждения, чему способствовали две мировые войны. Формальный шантаж был осуществлен в 1947 году, когда США навязали Европе привилегированный показ американских фильмов в обмен на деньги из Пла-

на Маршалла, а также методы и терминологию бизнес-управления в англосаксонской манере.

Англомагия усилилась в 1960–1970-х годах благодаря рок-музыке, а начиная с 1980-х — за счет внедрения концепций «нового государственного управления», новых технологий, компьютеров и, наконец, цифровой революции. В 2020 году COVID-19 распространил англосаксонскую болезнь на язык здравоохранения: «кластеры» размножаются с той же скоростью, что и вирус, в то время как «локдауны» продолжают. Национальные языки вытесняются английским. Французский, дипломатический язык до 1920-х годов, особенно сильно пострадал от этого, вплоть до того, что на рубеже 2000-х годов практически исчез с международной арены. В дипломатии и международных организациях он больше не играет номинальной роли, как мы можем видеть каждый день в штаб-квартирах в Нью-Йорке, Вене или Женеве. В школах менеджмента и на факультетах естественных наук, экономики и политики большая часть занятий уже ведется на английском языке. Французский язык долгое время не использовался в научной литературе.

Квебек, Африка, некоторые острова с франкоговорящим населением все еще сопротивляются, но в других странах «дамбы» рухнули. На некоторых радиостанциях и в авторитетной прессе каждое десятое слово — из английского языка. Мы не можем представить себе открытие бара или проведение «мероприятия» (event) без присвоения ему английской «фамилии», хотя во всех случаях имеется идеально подходящее французское слово. Франкоговорящие канадцы, которые все время выявляют неоправданные англицизмы, хорошо знают об этом.

Таким образом, мягкий язык способствует обеднению национальных языков и культур, сокращению их разнообразия (по оценкам, почти половина из 5 тыс. существующих языков исчезнет к концу столетия), потере автономии и сужению горизонта мышления. Если многоязычность — это благо, то моноязычность — несчастье: она убивает поэзию, эстетические эмоции, творчество. Но, может быть, это и является целью?

Мягкий язык является также средством коммуникации технократического класса, для которого он служит инструментом пропаганды, стратегий завоевания и сохранения власти. Каждое его слово должно быть эффективным и обладать определенной функцией.

Он используется либо для того, чтобы стереть отношения подчинения, либо для утверждения отношений власти. Таким образом, благодаря своим бесконечным ресурсам, гибкости и пластичности мягкий язык стремится утвердиться в качестве идеального языка лжи и манипуляций, языка новой формирующейся империи, ПДС (программа долгосрочного стимулирования) нашего времени. Привилегированный язык Добра. Любая ложь, чтобы в нее поверили, должна считаться истиной. Но Истина не навязывает себя. Истинная жизнь гораздо убедительнее, если ее можно связать с Добром. Следовательно, Истина, особенно если она ложна, и Добро связаны как в демократии, так и в диктатуре. Поэтому пропаганда, чтобы быть эффективной, всегда должна вестись во имя Добра. Поэтому любая

власть, которая ставит задачу экспансии и доминирования, должна начать с убеждения, что она действует во имя Добра, будь то социальный класс, правительство или компания. Мы даже можем сказать, что цель любой власти состоит в том, чтобы претендовать на монополию на Добро. Следовательно, Добро не обходится без зла в обоих смыслах этого слова, особенно когда это Добро служит прикрытием для Зла...

Следовательно, притязание на служение Добру — это сизифов труд, который требует длительных непрерывных усилий и значительных затрат, потому что власть должна выглядеть по возможности безупречно. Она должна грести не только по течению, на будущее, чтобы оправдать свои сомнительные действия, но и против течения, в прошлое, чтобы обелить свой имидж и переписать историю, если это необходимо. Возьмем, к примеру, концентрационные лагеря и массовые депортации. Большинство людей считают, что концлагеря были созданы нацистами или Сталиным для правых либералов. Но это не так. Первые концлагеря изобрели британцы во время англо-бурской войны в Южной Африке в 1899 году. Нацисты же адаптировали эту модель, когда открыли первый лагерь в Дахау, прежде чем превратить его в лагерь уничтожения, в то время как сталинизм превратил его в обширную сеть лагерей принудительного труда, куда ссылались враги режима, реальные или предполагаемые. То же касается массовых депортаций и геноцида. Мы знаем из учебников, что Сталин придумал массовые депортации, а турки предположительно осуществили первый геноцид против армян путем этнических чисток. Однако первые массовые депортации и этнические чистки прошли в Соединенных Штатах в 1830-х годах, чтобы вытеснить и уничтожить путем голода, алкоголя и болезней коренные народы. У диктатур нет монополии на Зло, как и у демократий нет монополии на Добро...

Все то означает, что мягкий язык — это язык Добра. С помощью магии эвфемизма он все сглаживает, стирает шероховатости, гасит сопротивление и споры. Он светский, мультикультурный, открытый, без границ. Он также соединяет, выражает сокровенные мысли, позволяет общаться душам. Свобода, демократия, права человека, терпимость, свободный рынок — все это высшее проявление Добра, как в древних религиях, без различия расы, религии или класса. Уже в 1991 году язвительный Филипп Мюре увидел, что французы в процессе использования мягкого языка начинают поклоняться жутким идолам. «Империя Добра распространяет свои шупальца повсюду: власть хорошей идеи и ложной инаковости продолжает расти, диктатура притворства и тирания доброжелательности начинают расти, отравляя нам жизнь», — предупредил он. Семь лет спустя он с насмешкой отметил, что «добро стало еще хуже». Он покинул этот мир в 2006 году, а сегодня пришел бы в ужас, увидев, до какой степени Добро стало тоталитарным. Миллионы жертв войн в Персидском заливе, Афганистане, Сирии и Йемене сведены до состояния «сопутствующих потерь», прежде чем их приговорили к голодной смерти с помощью беспощадных экономических санкций.

Кто они, воюющие стороны, которых мы поддерживаем? Они доблестные «борцы за свободу», а по сути кровожадные убийцы, которые без колебаний нарушают Женевские конвенции, применяя химическое оружие. А безжалостные экономические войны, которые мы ведем против непокорных народов — кубинцев, венесуэльцев, палестинцев? Это всего лишь «санкции», как бы наказывающие непослушных школьников. На внутреннем фронте мы будем декларировать, что война против COVID-19 была объявлена во имя здоровья, хотя это и плохо с точки зрения свобод и обанкротившихся владельцев ресторанов. Закрытие фабрик также благо, потому что можно говорить о повышении «конкурентоспособности». А если доходы акционеров и больших боссов стремительно растут, то это лишь для того, чтобы их удача лучше «просачивалась» к беднейшим. Однако Книга Бытия открывается ошеломляющим прозрением: «Слово стало Плотью». Слова могут породить реальность. Без слов нет реальности или, во всяком случае, нет реальности, доступной для восприятия.

В Книге Бытия Адам и Ева изгнаны из земного рая за то, что они сорвали запретный плод с Древа познания добра и зла. Бог прекрасно знал, что делает, запрещая им прикасаться к Древу высшего познания. Не из-за Зла, которое может постичь каждое сознательное человеческое существо, а из-за Добра, которое при неправильном использовании может принести гораздо больше вреда, чем Зло. Все поражены этой яростной доброжелательностью, как богатые, так и бедные, как большинство, так и меньшинства. Никто не может избежать его топора. Мятежникам и еретикам сразу ставят клеймо, подвергают их бомбардировкам, отправляют их на суд общественного мнения. Превознося Добро выше общего блага, мягкий язык стал языком нового культа, который хуже старого.

Язык технократической религии

Поэтому мягкий язык является жаргоном новой жрецеской касты. Это язык не поэтов и писателей, а руководителей компаний, юристов, журналистов, пиарщиков, экспертов и т. п. Это ни в коем случае не язык знаний — это язык ноу-хау. Это язык власти на службе власти. У него есть свои гуру — Клаус Шваб и Марк Цукерберг; вдохновенные мистики, такие как Илон Маск, как будто сошедший со страниц комиксов 1940-х годов; монахи-солдаты и филантропы Билл Гейтс и Джордж Сорос; лицензированные теологи Бернард-Анри Леви, Матье Рикар и Александр Жольен; постоянные хористы, которые поют «Доброе слово» миллионными тиражами на десятках языков, такие как Джоэль Дикер, Джоан Роулинг или Барак Обама; вдохновенные пророки Юваль Ноа Харари, Джереми Рифкин или Джудит Батлер. Он также может рассчитывать на фанатичных педантов, приверженцев трансгуманизма, адептов новых «учений», одержимых конструированием и деконструированием своей сексуальной и расовой идентичности.

В мире, где используется такой язык, любая попытка диалога столкнется с большими трудностями, поскольку все представители другой культуры будут восприниматься как варвары, которых нужно обратить в новую веру.